Татьяна

ТРОНИНА

Паиньки тоже бунтуют

ПОКА СУЩЕСТВУЕТ ЛЮБОВЬ, ЕСТЬ СМЫСЛ ЖИТЬ

КОГДА ОНА ЕСТЬ, ВЕСНА ВСЕГДА В ТВОЕМ СЕРДЦЕ

Нити любви

Татьяна Тронина

Паиньки тоже бунтуют

«Эксмо»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тронина Т. М.

Паиньки тоже бунтуют / Т. М. Тронина — «Эксмо», 2018 — (Нити любви)

ISBN 978-5-04-092310-6

Лида Савельева, что называется, хорошая девочка и для друзей, и для коллег, и для своего возлюбленного Артема. Вот только Алексей, жених лучшей подруги, свою знакомую таковой не считает. И все же, несмотря на колючий характер Леши, Лида старается быть с ним приветливой. Но однажды терпению девушки приходит конец, и она изменяет свое поведение. А вместе с тем открываются и неприятные тайны ближайшего окружения. Так ли честен с Лидой Артем? Что стоит за навязчивой заботой подруги? И почему Алексей ненавидит Лиду?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092310-6

© Тронина Т. М., 2018
© Эксмо, 2018

Татьяна Тронина
Паиньки тоже бунтуют

Мне показалось, что дорога к дому вытянула из меня все силы. Вроде бы расстояние совсем небольшое, обычно весь путь пешком занимает минут десять от поликлиники, но под конец этого короткого променада у меня возникло ощущение, будто я весь день продиралась через непроходимые джунгли. И, главное, настроение окончательно испортилось.

Умом я понимала, что всему виной простуда, которая прицепилась ко мне во время очередной командировки, но душа моя все равно томилась и плакала. Словно случилась какая-то неприятность, произошло против моей воли нечто тягостное, грустное, непреодолимое. То, чего нельзя изменить. Как говорят немцы – Zu spät ist zu spät, что в буквальном переводе значит: слишком поздно – это слишком поздно.

И к тому же этот февраль: мокрый, холодный, грязный московский февраль. Когда, как ни оденься, все равно сначала взмокнешь, потом замерзнешь или наоборот. Под ногами – жижа, под жижей – лед, и обвинять в бездействии коммунальные службы, следящие за чистотой дорог, бесполезно. Потому что с неба непрерывно льет то ли снег, то ли дождь и никакая, даже самая совершенная ливневая канализация, наверное, не способна справиться с этим потоком заледеневшей густой каши, приправленной едкими реагентами.

Обычно я не позволяла себе ныть и расслабляться. Ведь уныние – грех, тем более когда по факту в жизни все хорошо. Ну ладно, не хорошо, но нормально. Сколько вокруг людей, у которых действительно настоящие проблемы, даже трагедии… Отчего же я тогда стою сейчас во дворе своего дома и едва не реву?

У меня есть всё. Собственное жилье, например. У меня есть работа, и отличная работа! По профессии я переводчик-синхронист с немецкого языка. Я всегда востребована, мне неплохо платят, и даже с начальством повезло: мой шеф Борис Львович Буслюк – добродушный и незлопамятный дядька, обычно старается идти мне навстречу в отличие от тех извергов-начальников, о которых так часто рассказывают окружающие.

Я молода, мне всего тридцать два года. Да, это не юность, но и не солидный возраст, в наше-то время. К тому же я не просто молода по факту, я и выгляжу хорошо, так что незнакомые обращаются ко мне не иначе как «девушка»… Бывает, что и девочкой называют. Вот недели три назад в супермаркете пожилая дама, протянув мне пачку творога, попросила: «Девочка, помоги разобрать, где тут пишут про срок годности, не закончился он еще?» Я была тогда в пуховике, джинсах и кроссовках. «И правда, девчонка», – подумала я, взглянув мельком на свое отражение в зеркальной витрине.

Я симпатична. Не красавица, конечно, но и уродиной меня не назвать. Ко мне часто подходят мужчины с намерением познакомиться, а приятельницы щедры на комплименты, хоть и завуалированные. Спрашивают, каким кремом пользуюсь, где купила такое милое платье, чем мою волосы, отчего они у меня так блестят… Наталья, лучшая подруга, всегда с восторгом твердит: «Ах, у тебя, Лида, настоящий скандинавский тип внешности!» Комплимент? Конечно!

Мой жених – Артем – надежный, солидный, спокойный и ответственный мужчина. Наверное, именно о таком спутнике жизни мечтает каждая девушка.

Я здорова. Ну, конечно, без мелких болячек никуда… Но в общем и целом я не инвалид, у меня нет серьезных хронических заболеваний, нет каких-либо противопоказаний для занятий спортом, например; и я в состоянии выносить и родить здоровых детей. Да, в данный отрезок времени я маялась от простуды, что неприятно, но ведь любая простуда рано или поздно проходит.

Так о чем еще мечтать, чего желать? У меня все есть, я должна считать себя счастливым человеком. Но отчего тогда хочется сейчас плакать, почему вдруг возникло это мерзкое ощущение, навевающее мысли о том, что счастья нет, что все шатко и неопределенно, что все люди вокруг лгут и никому нельзя верить: ни начальнику, ни лучшей подруге, ни жениху, ни даже старухе из супермаркета?.. И даже себе верить нельзя, потому что кто она, эта Лидия Александровна Савельева, тридцати с небольшим лет, которая всем улыбается и никогда не скандалит? Может, она и есть самое главное чудовище, спрятавшееся под маской милой и приветливой девушки-переводчицы?

Нет-нет, это все болезнь, эта противная простуда играет сейчас с моими нервами. Только вот когда же наступит просвет и вернется ощущение легкости и постоянного счастья, когда перестанет гудеть в ушах? Этот противный, тревожный звук, напоминающий звук сирены…

Я подняла лицо вверх – на мутно-серое небо, откуда падал мокрый холодный снег, который таял на скулах, а затем стекал вниз по щекам, словно само небо вздумало плакать за меня.

– …Вот же люди! Я кричу, кричу… Пожилой человек просит, а она…

– А? – очнулась я и оглянулась. Сзади стояла соседка по подъезду, Валентина Сергеевна, с внуком Максимом.

– Я говорю: подвинулись бы чуть! Тут вот одна дорожка во дворе, где пройти можно, а вы, Лидочка, и ее заняли.

– Добрый день, Валентина Сергеевна. Я и не слышала.

– Ну как можно не услышать, молодая же еще.

– У меня уши заложены. Отит. Звуки доносятся словно через вату. Отоларинголог вот антибиотики выписала. – Я достала из кармана коробку с лекарством и показала Валентине Сергеевне. Максим, мальчик лет семи в грязном комбинезоне, равнодушно ковырял мыском сапога размякшую жижу под ногами.

– Ах ты, вон оно что… – сочувственно скривилась Валентина Сергеевна. – Но это пройдет?

– Сказали, что лечится. Осложнение после простуды.

– После простуды… Господи, Максим, не вздумай мне заболеть! Видишь, что может быть, если во всех лужах валяться? Ты понимаешь, как это опасно? Без ушей можешь остаться!

Я отступила в сторону, Валентина промаршировала мимо, таща за собой внука и продолжая угрожающе причитать. К счастью, половину ее нотаций я уже не слышала.

Они ушли, а мне на мгновение стало страшно. А вдруг и правда всю оставшуюся жизнь придется ходить с ощущением того, что в уши набита вата? И то и дело переспрашивать у окружающих: «А, вы что-то сказали? Простите, не расслышала!» Но, с другой стороны, отоларинголог, молодая женщина, спокойно и рассудительно объяснила мне, что, если пропить курс лекарства, воспаление исчезнет, насморк пройдет и я вновь вернусь в нормальное состояние.

А вдруг все не столь радужно?! Ведь врачи тоже ошибаются.

Я подождала минут пять, чтобы еще раз не сталкиваться с Валентиной и ее внуком, а затем зашла в подъезд.

Около почтовых ящиков были разбросаны рекламные проспекты. Я хотела поднять их, собрать, положить на подоконник (не люблю, когда беспорядок), но, когда наклонилась, в висках зашумело, внутри ушей заныло… «Да что ж мне опять больше всех надо!» – остановила я себя и принялась подниматься по лестнице на пятый этаж. Лифта в нашем доме не было.

На втором жила Валентина. Из-за двери раздавался ее приглушенный, доносящийся словно издалека голос… Судя по всему, она продолжала отчитывать внука.

На третьем этаже курил какой-то парень в тренировочном костюме. Парень проводил меня липким взглядом.

На четвертом высоко над головой нависали велосипеды. Повесили их так, чтобы не украли. Велосипеды принадлежали Ульяне и Роберту, паре неопределенного возраста, которая придерживалась здорового образа жизни.

Велосипеды эти – огромные, красивые, блестящие – вроде не мешались, но так угрожающе нависали сверху, что я всегда старалась быстрее пройти площадку на этом этаже.

Наконец, я добралась до пятого. Вся взмокшая, с колотящимся от подъема сердцем, я открыла дверь. В лицо пахнуло вареной капустой. Значит, Тугина снова решила сесть на диету. Моя соседка… Кстати, к вопросу о собственном жилье. Да, у меня есть комната в коммуналке, и это не так уж плохо. У меня имеется своя жилплощадь в Москве, и рядом всего лишь одна соседка – в общем, неплохая тетка, которая не пьет, не курит и даже не скандалит.

– Ну как? А, ты ж теперь как бабка тугоухая… Ну как ты, Лид? – заорала Тугина.

– Прогноз благоприятный, Алевтина Антоновна, – с уклончивой вежливостью ответила я.

Алевтина. Валентина. Похожие имена. Тина…

– Да? Не верю я нашим врачам… – продолжила вещать с кухни Тугина, гремя посудой. – Лежала я как-то в клинике лечебного голодания, еще в те времена, когда замужем за Павлом была. Столько денег этим врачам отвалила… И что? Двадцать кило сбросила, а потом тридцать набрала!

У моей соседки была не самая счастливая женская судьба. От первого, раннего брака Тугина родила дочь Аришу. Муж через некоторое время скрылся в неизвестном направлении. Тугина сама, как она выражалась, «поднимала» дочь. Достаточно изучив свою соседку, я могла предположить, что Ариша росла как трава под забором. Сама Алевтина работала в то время билетершей в кинотеатре.

Затем в ее жизни появился тот самый Павел, второй муж. Человек мягкий, робкий и совестливый. Настоящее сокровище, если подумать. Но Алевтина не думала, она всегда плыла по течению, совершать ненужные движения и напрягать лишний раз голову ей было очень тяжко.

Павел мечтал о собственных детях. А Тугина, приобретя опыт материнства с Аришей, уже знала, сколь нелегкий это труд. Алевтина увиливала от деторождения всеми возможными способами.

Ариша росла, муж Павел продолжал смиренно и настойчиво вымаливать детей. Так и шли годы. Ариша достигла возраста совершеннолетия, познакомилась с каким-то приезжим молодым человеком, у них случился стремительный роман, и вот – Ариша уже в Америке, счастлива замужем, у нее двое детей, и никакая сила не может вернуть ее в Россию, к матери. Тугина так и говорила, со скорбной интонацией в голосе: «Ариша от меня сбежала…»

О муже своем Алевтина не беспокоилась: он-то точно не сбежит от нее, такой тюфяк. И с детьми перебьется. Пройдет время, и успокоится, поймет, что поздно уже вешать себе на шею ярмо. Но для начала, чтобы муж не доставал ее надоевшими речами, она сообщила Павлу, что вступила в тот самый возраст, когда женский организм перестает быть способным к деторождению.

Павел сник, расстроился, но вроде бы действительно смирился со своей долей. А через некоторое время взял да и ушел. Внезапно. К какой-то приезжей из ближнего зарубежья, совершенно простой женщине, работавшей в Москве нянечкой в детском саду. И эта женщина родила ему сына. Ко всему прочему, Гуля (так звали новую пассию Павла) относилась к нему как к божеству. Смотрела ему в рот, выполняла любой каприз, ни в чем не перечила. Квартира вылизана до блеска, обед из трех блюд приготовлен, ребенок выкупан и тянется пухлыми ручками к счастливому папочке… Даже рубашки выглажены!

О подобном счастье в браке с Алевтиной Павел и мечтать не мог. Но самое удивительное, что Павел продолжал навещать Тугину, периодически давал ей деньги, всячески помогал: то

лампочку вкрутит, то новую люстру повесит… Он мучился совестью, переживал за первую жену. Самое удивительное, что даже в этом вопросе Гуля не перечила Павлу, отпускала его с визитами к Тугиной без пререканий.

А Тугина впала в депрессию. Я подозреваю, что она всегда находилась в состоянии легкой тоски, отнимавшей у нее силы и не дававшей заниматься ничем особо полезным. Ей оставалось только лежать на диване и щелкать кнопками пульта от телевизора. Но все же время от времени Алевтина пыталась себя чем-то занять. Чем-то, что позволило бы ей жить, не особо напрягаясь, и притом ни в чем себе не отказывать. Она занималась то сетевой торговлей, то перепродажей каких-то товаров… Однажды Алевтина прогорела, набрав кредитов, и была вынуждена продать свою квартиру за долги.

Вот так лет десять назад Тугина оказалась в этой пятиэтажке и заняла одну из комнат. А во второй комнате уже жила я. С девятнадцати лет. Но это уже другая история, об этом расскажу как-нибудь позже.

Скинув в прихожей верхнюю одежду, я сразу отправилась в ванную мыть руки. Включила свет и поморщилась: раковина была заляпана зубной пастой, к кафелю прилипли чьи-то волосы, на полу блестели лужицы воды.

– Алевтина Антоновна, может быть, приберетесь здесь? Я что-то пока не в состоянии… – крикнула я.

– И я тоже не в состоянии, – заглянула в ванную Тугина. – А чем ты все время недовольна, Лид? Вечно тебе грязь мерещится. Это, говорят, какое-то психическое заболевание, когда человек постоянно все чистит-убирает и руки моет через каждые пять минут. Ты это… не бережешь себя. Иди лучше отдохни.

Спорить с Тугиной мне не хотелось, и я смиренно побрела к себе в комнату. Но все же, несмотря на мою временную тугоухость и закрытую дверь, с кухни отчетливо доносился грохот кастрюль. Затем Алевтина включила телевизор. Она любила слушать новости, смотреть сводки криминальных новостей… Чего я терпеть не могла.

Рядом с кроватью я на всякий случай положила мобильный. И тут же, не успев толком прилечь, услышала трель. Разговора со мной жаждал начальник.

– Алло… Борис Львович, добрый день. Говорите, пожалуйста, громче, я не очень хорошо слышу.

– Лидхен, привет! А ты выключи телевизор, невозможно же!

– Борис Львович, это не у меня, это у соседки.

– Да?! У вас такие тонкие стены? Сочувствую, дитя мое. А я хочу узнать, как твое здоровье. Когда ты снова будешь в строю, так сказать? Дело в том, что через пару дней состоится конференция в Гамбурге, и людей не хватает.

– Борис Львович, пока никак. У меня отит, выписали антибиотики. Я половину слов не слышу. Говорят, все пройдет, но нужно время.

– Ох ты, детка… Все понял, ладно-ладно, не переживай, лечись сколько надо, я тебя дергать не буду.

Начальник что-то буркнул.

– Что? Не слышу!

– Я говорю, ты ж моя хорошая девочка… до свидания, Лидхен, выздоравливай!

– Спасибо, Борис Львович! До свидания!

Я отложила телефон и наконец легла на кровать, не раздеваясь, свернулась в клубок.

Вдруг открылась дверь. В проеме появилась Тугина.

– Я тут стучу, стучу… Я тебе главное не сказала, Лида.

– Что такое? – повернувшись, пробормотала я.

– Говорят, наш дом собираются расселять. По программе.

– По какой программе?

– По такой. Ну ты что, новости не слушаешь?

– А… Но так это здорово! – оживилась я.

– Не будь наивной, Лид. Это ужасно. Выселят нас в какое-нибудь Коровино-Фуниково, и будешь знать. Я ведь не только новости читаю, я еще и интернетом умею пользоваться, – мрачно произнесла Тугина. – Я теперь в курсе всех новостей, от народа правды не скроешь…

– Но нам, вероятно, дадут отдельные квартиры. Сейчас же, я слышала, коммуналки расселяют…

– Лид! Ну ты прям как ребенок, всякому обещанию веришь. Да даже если и расселят, ты представляешь, как на окраине жить? Сейчас мы с тобой, считай, практически в центре; ну ладно, не в центре, но до него за двадцать минут доберемся. Все рядом: и магазины, и поликлиника – в одной остановке от дома, сама знаешь. А будем жить потом где-нибудь в чистом поле.

– Вот именно, зато воздух там чистый, наверное… – умиротворенно улыбнулась я.

– Лида! Какой воздух?! Я про чистоту – так, метафорически выразилась. Там же, на окраинах – самые заводы и расположились, а еще поля аэрации, факел Капотни… Надышишься еще сероводородом!

Тугина, конечно, любила сгустить краски, но мне вдруг отчего-то расхотелось улыбаться. Кто сказал, что будущее непременно должно быть лучше настоящего?

– И потом, Лид, народ еще вот о чем на форумах пишет… – понизила голос Алевтина.

– Что? Не слышу.

– Я говорю, народ-то о чем еще беспокоится! О том, что нас всех переселят в огромные дома-муравейники. А это гетто. Представь себе – окраина, нет ничего, голое поле, никаких развлечений, и люди друг у друга на головах. Скученность, нервы, криминальная обстановка. Молодежь в банды сбивается. Погулять негде – все пустыри алкашней и наркоманами заняты. А почему? А потому, что в одном месте кучкуются сплошь бедные люди, без образования… Приличных людей, с образованием и деньгами, в эти гетто не заманишь!

Мне стало совсем не по себе.

– Да, тут у нас, в пятиэтажке нашей, мы друг у друга на головах, стены картонные, лифта нет… – продолжила Тугина мрачно. – Но плюсов все равно больше, чем минусов. Я, может, и не самая лучшая соседка, и в коммуналке мы с тобой теснимся, Лид, но представь, кто рядом с тобой будет жить на одной лестничной площадке в новом доме. Одни маргиналы! Ты за порог побоишься выйти! В дверь к тебе ломиться начнут!

– Lieber den Spatz in der Hand, als eine Taube auf dem Dach… – пробормотала я.

– Чего еще?

– Ну да, я и говорю, воробей в руке лучше, чем голубь на крыше.

– Ты про синицу с журавлем, что ли? – Тугина вздохнула, замолчала. Стояла мрачная, бледная, отчего на ее полном, круглом лице еще отчетливее были заметны усики над верхней губой. Помнится, соседка пыталась извести эти усики в салоне красоты с помощью современных и дорогих способов эпиляции (деньги на эту операцию ей, как всегда, подарил бывший муж, жалостливый Павел), но получилось только хуже. Теперь моя соседка лицом очень напоминала Петра Первого. Просто удивительно, как Тугиной не везло во всем… А значит, и в квартирном вопросе не должно повезти. Ну, и мне, соответственно, поскольку переселять нас с ней будут в один район.

– Ладно, не куксись. Того и смотри заревешь… – пробормотала Тугина, с жалостью разглядывая меня. – Может, не так все плохо будет. И вообще, у тебя жених замечательный, есть на кого положиться. Да! Слушай, а если тебе с Артемом твоим вот прям сейчас, быстро-быстро пожениться? Ты его к себе сюда пропишешь, и вам, соответственно, площадь больше дадут. Хотя нет, о чем я… Даже не вздумай. Останешься потом без крыши над головой вообще. Так-то это твоя собственность, а если будет общей, потом, в браке, пополам делить придется…

Бормоча еще что-то себе под нос (к счастью, я уже ее не слышала), Тугина вышла из моей комнаты.

Настроение испортилось окончательно. Каждый раз, как мне напоминали о дележе квартиры или в разговоре всплывал вопрос о наследстве и разделе имущества, мне становилось нехорошо. Ведь в результате такого «семейного» раздела, устроенного моей мачехой тринадцать лет назад, я и оказалась в этой коммуналке.

Но, боже, как неохота вспоминать все это… Точно так же, как нет сил думать о будущем. А думать придется, хочешь не хочешь, ведь на лето намечена свадьба с Артемом.

И вот он, жених, легок на помине – экран мобильного зажегся, на нем выскочило имя абонента – «Артем».

– Алло? – отозвалась я.

– Лида, ты уже дома? – деловито спросил он и тут же добавил: – Жди. Я скоро буду.

Тут же последовали короткие гудки.

Как ни странно, но меня это сообщение не слишком порадовало. Меня клонило в сон, хотелось закрыть глаза и отключиться от всего, но какой тут сон, если ждешь кого-то… И все-таки я умудрилась задремать.

Внезапно очнулась, когда в комнате вспыхнул свет. Я открыла глаза и увидела Артема. В первый момент он показался мне огромным, почти великаном, упирающимся затылком в потолок… Высокий, очень плотный, фигурой мой жених напоминал тяжелоатлета. Темные, коротко стриженные волосы, взгляд больших, темных, немигающих глаз… Пожалуй, своим видом Артем мог напугать кого-то, особенно того, кто встретился бы с ним в темной подворотне один на один. Только вот хороший костюм, сшитый по фигуре, немного «портил дело», сразу становилось ясно, что Артем – вовсе не спортсмен, не любитель помахать кулаками, а, наоборот, весьма сдержанный и воспитанный офисный работник. И не такой уж он огромный, всему виной слишком низкие потолки у нас в доме…

Артем достал из-за спины букет розовых роз.

– Привет! Испугалась? – серьезно спросил он. – Мне Алевтина открыла. А ты тут спишь, оказывается. Детка, ты как?

– Привет. Я ничего… Милый, ты напрасно так беспокоился, со мной все в порядке.

– Как не беспокоиться, ты с утра таким голосом со мной говорила, словно умирать вздумала! Погоди, сейчас цветы в вазу поставлю.

Он ходил по комнате, открывал дверцы шкафов, наклонялся, двигал что-то, и мне было странно наблюдать за ним. Столько энергии, силы может быть в человеке! А я, словно сдувшийся шарик, тряпочкой валяюсь на кровати…

– Ты такой милый, – пробормотала я. – Спасибо, что не забываешь.

– Не буду с тобой тискаться, извини, мне нельзя болеть, завтра отчет у генерального… – Артем, поставив цветы в вазу, уселся у меня в ногах, на кровати.

– Я уже не заразна, у меня просто осложнение… Но да, конечно, лучше не рисковать! – поспешно согласилась я. Мне и самой сейчас не хотелось, чтобы Артем меня обнимал.

– Что сказал врач?

– Отит. Пропью антибиотики, и все пройдет, – привычно ответила я.

– Ты меня сейчас хорошо слышишь?

– Не очень. Ну так, словно через тонкую стену…

– Погода мерзкая, немудрено, что ты разболелась.

– Погода тут ни при чем, я заболела еще во время командировки, когда в поезде ехала. Ненавижу эти командировки! – с неожиданным раздражением пожаловалась я.

– Но что ты хочешь, детка, сейчас жизнь такая – всем приходится вертеться. – Артем погладил меня по ноге.

Он глядел на меня с нежностью, беспокойством, сочувственно.

– Ты меня любишь? – печально спросила я.

– Очень. Я очень тебя люблю, детка, – даже не задумываясь, серьезно ответил Артем.

– За что?

– За что? – Он засмеялся, опять погладил меня по ноге. – За то, что ты хорошая. Ты очень хорошая, Лида. Честная, порядочная. Не хамка, не легкомысленная кокетка, не пустышка. Я искал такую, как ты, всю жизнь и вот наконец нашел. Давай вот что – в марте, во второй половине (у меня как раз свободное время будет, генеральный в отпуск обещал свалить), мы с тобой пойдем в ЗАГС и наконец подадим заявление.

– Так скоро? – немного испугалась я.

– Ну мы же и без того собирались весной идти… А чего ждать?

– Как чего… подходим ли мы друг другу?..

– Ага, а за два года как будто не узнали! – покачал укоризненно головой Артем. – Или… или ты во мне сомневаешься?

Я улыбнулась – ну что за глупости! Уж в ком, а в Артеме я никогда не сомневалась. Я, например, больше сомневалась в Лешике, женихе моей лучшей подруги Натальи – их свадьба тоже намечалась на лето. Пусть Лешик с Наташей и знакомы много лет и даже были объединены общим бизнесом, но, если кто и не годился в спутники жизни, так это Лешик. Человек необязательный, злой и, главное, пьющий. Какой из него муж?..

Все, буквально все: и родные Натальи, и знакомые, и ее друзья, в том числе я – не раз пытались отговорить ее от замужества с таким ненадежным человеком, как Алексей Гуляев (фамилия говорила сама за своего хозяина, кстати!). Но – бесполезно. Наталья надеялась на то, что рано или поздно ей удастся переделать характер своего суженого. Моя подруга вообще была очень упрямой и отважной…

– Говорят, наш дом скоро расселят. Всем дадут новые квартиры, отдельные, – спохватилась я.

– Это хорошо. – Артем огляделся по сторонам, поморщился.

– И что нам делать с этой новой квартирой?

– Нам? Почему – нам? Это твоя собственность, я на нее не претендую. Что хочешь делай. Все равно мы будем жить у меня, ведь об этом договаривались, да?

– Можно объединить твою и мою жилплощадь, и…

– Лида, Лида… Ты, конечно, ангел. Я всегда знал, что ты ангел. Но как можно быть столь наивной в наше время, столь далекой от всего материального. – Артем все-таки не выдержал и рывком притянул меня к себе, порывисто поцеловал в висок. – А если бы ты попалась в лапы какому-нибудь альфонсу, мошеннику, да просто жадному до чужого добра дядьке? Осталась бы потом ни с чем при разводе… Все готова отдать!

– Но ты же не собираешься разводиться со мной?

– Нет, конечно! Только я мужик, понимаешь, я – мужик, это я должен о тебе заботиться, а не ты – жертвовать для меня своим. Ничего никогда у тебя не возьму, детка. Сам заработаю, сам тебе отдам. Тебе и детям нашим будущим…

От его слов, его горячности у меня даже глаза защипало.

– А ты-то меня любишь? – вдруг спросил он.

– Да, милый. Очень люблю! – не задумываясь, ответила я.

Некоторое время мы сидели, тесно обнявшись, и я даже подумала, что сейчас между нами случится близость, несмотря на мою простуду, и я даже захотела этой близости, но Артем, видимо, был слишком ответственным человеком.

Он осторожно отстранил меня, уложил обратно, укрыл пледом.

– Ты ведь шутила, да? Я говорю – ты шутила?

– О чем ты?

– Насчет того, чтобы объединить наши квартиры в одну, общую? – взволнованно спросил он.

– Почему ты спрашиваешь? – растерялась я.

– Потому что прекрасно помню твою историю. То, как ты оказалась здесь. Как эта ужасная женщина, твоя мачеха, поступила с тобой…

– Хуже, чем есть, уже не будет, – усмехнулась я. – Нет, Артем, я сейчас не шучу и не испытываю тебя, я действительно тебе полностью доверяю.

– Лида… ах, моя Лида! – Он наклонился, снова поцеловал меня в висок. – Ладно, убегаю, иначе не сдержусь…

– Так не сдерживай!

– Нет, нет, это неблагоразумно… И тебе надо себя поберечь, и мне. Потом еще к тебе зайду. Свет тебе не мешает?

– Мешает…

Артем ушел, перед тем выключив свет. Я же лежала, свернувшись калачиком под теплым пледом. За окном замерли фиолетовые густые сумерки. Время словно остановилось…

Как описать то, что я чувствовала к Артему? Нет, это была не страсть, это была глубокая, искренняя привязанность. Уважение. Благодарность. Эти чувства даже больше, чем любовь. Я в самом деле доверила бы Артему свою душу, а не только квартирные метры.

Вообще, странно и смешно, что в наше время любовь измеряется квадратными метрами и готовностью человека поделиться своими правами на нее… И больше того, любовь в наше время – это то, насколько готов человек вникать во всякие юридические и нотариальные тонкости. Зачастую любовь между супругами, родителями и детьми соприкасается с необходимостью вникнуть в казуистику наследования.

Любишь? Беспокоишься? Желаешь счастья и душевного покоя родному существу даже после своей смерти? Тогда будь добр оформить на него по закону свое имущество, да так, чтобы уж потом никто не смог придраться и оспорить завещание…

Впрочем, снаряды два раза в одну воронку не падают, уж эту мою жалкую комнатку в коммуналке никто не отнимет. И вообще, жизнь – это череда потерь и находок, связанных между собой. Когда-то я «благодаря» своей мачехе потеряла большую квартиру, в которой провела свои детство и юность. А теперь жизнь решила вознаградить меня, послав Артема, человека, который готов отдать для меня все, чем владеет…

На самом деле я лишь для вида сомневалась, когда говорила ему, что надо подождать с браком, проверить, подходим ли мы друг другу. Возможно, немного кокетничала?

До Артема у меня было три, да, всего три небольших (но с большими перерывами) романа, которые ничем серьезным не заканчивались. Они просто разваливались сами по себе. Возможно, потому, что я особо не верила своим возлюбленным, не чувствовала их поддержку. А мне всегда хотелось ощущать крепкое плечо рядом. Если уж до конца быть честной с самой собой, то я, ко всему прочему, являлась довольно-таки спокойной, хладнокровной особой, не способной потерять голову от любви. Страсть – это не мое. Я всегда жила головой, рассудком. Что такое романтизм? Не знаю. Я никогда не читала любовных романов, не плакала над мелодрамами в темноте кинотеатров.

Артем, по сути, являлся моей идеальной второй половинкой, он тоже не хотел и не умел колотиться в этих нелепых страстях. Да, формально он делал все то, что положено влюбленному мужчине: цветы-конфеты-подарки-внимание, но при этом он не терзал ревностью ни меня, ни себя. Мой жених не ждал от меня эмоциональных вспышек, он, как и я, старался решать все проблемы через спокойные беседы. Хотя, говорят, после ссор у некоторых влюбленных происходит особенно сладкое примирение. Но это, наверное, у тех пар, которые нуждаются в том, чтобы подстегивать свои чувства. Для меня это дикость… Ни я, ни Артем не

нуждались в подобном допинге. Наташа говорила, что мы с моим женихом составляем идеальную пару.

…Кажется, я опять задремала, потому что сама не поняла, почему в комнате под потолком внезапно вспыхнула лампа, а рядом раздался вдруг чей-то голос.

Я подняла голову, щурясь от яркого света.

– Ты спишь? Сейчас же только восемь! Ах ты, бедная моя…

Это была Наталья, моя лучшая подруга. Теперь она носилась по комнате, открывая все шкафчики и хлопая ящиками. Явилась без приглашения, как всегда, но это же Наталья…

– Не вставай! – крикнула она. – Я тебе бульон принесла, куда бы налить… Он еще горячий, в термосе.

– Тарелки на кухне, – пробормотала я. – Ты только громче говори, у меня уши заложены.

– Лекарство принимала?

– Сейчас вот надо, после еды.

– Не вставай, я кружку нашла, – закричала Наталья. – Будешь пить бульон прямо в кровати. А на кухне сквозняк, твоя соседка там проветривает, уж не знаю, что она там готовила, но такие ароматы непередаваемые!

– Я все слышу, между прочим! – заголосила из-за двери трубным голосом Тугина, но совсем незлобно.

– А я чего, я ничего… – прыснула Наталья и быстро зашептала мне в ухо: – Смешная у тебя соседка. Ты подкрепляйся бульоном, он из деревенской курицы, целебный. Сама варила. У тебя Артем сегодня был?

– А как ты догадалась?

– Ты же знаешь, я как Шерлок Холмс, у меня дедукция… Да вон же розы стоят! Слушай, какой он у тебя милый… От своего я цветов просто так не дождусь, приходится все время напоминать! Погоди, у тебя окно, кажется, тоже приоткрыто, как бы не продуло.

Подруга метнулась к окну. Пока закрывала его – непослушное, старое, капризное, – я смотрела на Наталью. Мне казалось, что она совсем не изменилась, какой была в юности – стройной, крепкой, с широкими икрами и широкими же, пловчихиными плечами, – такой и осталась. Одевалась все так же – в спортивные костюмы, и прическа осталась неизменной. Толстая, пшеничного цвета коса, заплетенная высоко на макушке, при каждом движении Натальи раскачивалась туда-сюда, подобно маятнику. Ни челки, ни прядок на висках – всегда открытое, гладкое лицо с крупными чертами лица.

– Артем предложил в марте заявление в ЗАГС нести, – отхлебнув бульон из кружки, призналась я.

– Да? Поздравляю!

– Да, мы давно собирались, ты знаешь…

– И Лешик мне обещал, что скоро справим свадьбу. Но ты же знаешь, что из него все щипцами приходится тащить, скалками выбивать, – засмеялась Наталья. – Надо ему напомнить. Впрочем, как я скажу, так и будет.

В кармане ее толстовки затрезвонил мобильный.

– Звонят. Даже я слышу! – сказала я.

– А… Это Лешик. Он внизу. Я сказала, что быстро, только бульон тебе передам, но ничего, подождет.

– Беги.

– И не подумаю, – упрямо произнесла Наталья. – Слушай, а если нам вдвоем, в смысле одновременно парами расписаться? Я со своим разбойником, и ты с Артемом… И общее торжество устроить.

– Это слишком сложно. Н-нет, не уверена. Твой Лешик… – Я не договорила и постаралась улыбнуться.

– Да, понимаю. Лешик может взбрыкнуть и все испортить, – нахмурилась Наталья. – Но это мой крест, понимаешь? Не всем же везет, как тебе.

– Я бы хотела, чтобы и ты стала счастливой.

– Господи, ну что же ты мне сердце рвешь! – Она, едва не расплескав бульон, вырвала у меня из рук кружку, отставила ее в сторону, обняла меня. В этом была вся Наталья – порывистая и отчаянная, не боящаяся заразиться, готовая на любые жертвы ради тех, кто ей дорог. Я, обнимая ее, вдруг подумала, что люблю Наташу даже больше, чем Артема. Она всегда была мне как сестра.

– Ты расскажи, как дела. Твои не ссорились? – спросила я. Под «твоими» я имела в виду родителей Натальи и ее жениха.

– Не особо… Но да, несколько раз успели поцапаться. Отец хочет расширять производство, а Лешик против.

– Тяжело, наверное, вам всем вместе.

– А что делать… – Наталья отстранилась, перебросила свою тяжелую косу на грудь. – Да, я понимаю, не должны родственники в одной команде работать, но, с другой стороны, только родные люди и могут друг друга поддержать… – Она помолчала, затем поднялась: – Ладно, пора. Ты к моему дню рождения успеешь выздороветь?

– Я надеюсь.

– Приходи обязательно. Вернее – приходи-*те*!

Наталья еще раз звонко чмокнула меня в лоб и скрылась за дверью. Но не ушла – я услышала, как она о чем-то говорит с Алевтиной. Судя по некоторым фразам, которые мне удавалось услышать, речь шла о гимнастике для похудения. «Спорт и Тугина – вещи несовместимые!» – подумалось мне.

Я опять закрыла глаза, затем мне показалось, что дверь в комнату хлопнула, а возле моего лица даже как будто пронесся холодок. И еще я ощутила запах. Горький табачный аромат. Я открыла глаза. Из-за стены по-прежнему доносились голоса: спокойный, рассудительный – Натальин и жалующийся, вдохновенно-трагический – Тугиной.

Но сейчас посреди моей скромной комнатушки стоял… Лешик. Как он тут оказался? Наверное, входная дверь опять не до конца захлопнулась… Впрочем, какая разница – теперь, когда этот не самый приятный человек материализовался, словно из воздуха и клубов сизого табачного дыма, рядом со мной.

– Привет! – стараясь, чтобы мой голос звучал максимально дружелюбно, произнесла я.

Не знаю, ответил мне Лешик или нет… Во всяком случае, ответа я не услышала.

Он довольно долго стоял посреди комнаты, чуть наклонив голову и засунув руки в карманы короткой «автомобильной» куртки из темного вельвета со стоячим воротничком. Черная водолазка, черные узкие джинсы, какие-то немыслимые ковбойские ботинки… Пижон.

Волосы – темные, густые, мягкие и довольно длинные – были пострижены странно, словно клочками: обгрызенная челка, вихры на висках и сбоку, у шеи… И сквозь эти вихры проглядывали торчащие в стороны, словно у гоблина или еще у какого-то сказочного существа, уши.

Длинный, с горбинкой, довольно кривой нос, мешки под глазами, складки на отекшем лице… Стильный и чудовищно некрасивый, он был моим ровесником и выглядел каким-то потасканным. Вполне вероятно, что Натальин суженый накануне выпил, что время от времени случалось. Только сильно пьющие люди на следующий день после возлияний выглядят такими отекшими, пожеванными и несчастными…

Но не надо жалости! Лешик, хоть и выглядел на первый взгляд несчастным, отличался злым и язвительным нравом – палец в рот не клади. Задира, хам. Это я уже давно поняла и перестала лезть к этому типу с сочувственными расспросами. Если уж находишься рядом с ним, то лучше молчать – нервы целее будут.

Лешик еще некоторое время стоял, покачиваясь с мыска на пятку, засунув руки в карманы, словно напряженно размышлял, затем, не спрашивая разрешения, плюхнулся в кресло напротив кровати, откинул голову назад и закрыл глаза. Будто меня не существовало! Из-за стены по-прежнему доносились голоса Натальи и Алевтины.

– Достало. Достало, все достало! – пробормотал Лешик. Вернее, я почти угадала эти слова по движению его губ.

«Лекарство! – спохватилась я. – Его же надо после еды принять!»

Я, стараясь не шуметь, осторожно поднялась, приблизилась к столу, на котором лежала упаковка, выковырнула из шуршащего блистера капсулу. Положила в рот и запила водой, косясь при этом на незваного гостя.

– Чего пьем? – вдруг спросил Лешик, не открывая глаз.

– Антибиотик, – вежливо ответила я. – У меня уши после простуды словно заложены, плохо слышу. Отит.

– Какая-то ты чахлая, Лида Савельева…

Фраза, безусловно, провокационная. Но я сдержалась, лишь вежливо улыбнувшись. И произнесла с подчеркнутым смирением:

– Извини, что раздражаю тебя.

Пауза. Лешик открыл глаза и с нескрываемой ненавистью посмотрел на меня.

– Наташ! – вдруг заорал он хриплым, низким голосом. – Ну скоро там?!

– Иду! – закричала в ответ Наталья. – Не пугай Лидочку, ирод… Она хорошая девочка. Уже иду.

Она заглянула ко мне в комнату, послала мне воздушный поцелуй и, схватив Лешика за рукав, потащила жениха прочь, за собой.

Оставшись одна, я выдохнула с облегчением.

«Что за мерзкий тип, как Наташа его терпит? – с отчаянием подумала я. – Она, такая чудесная, милая, энергичная, всегда позитивная, – и это черное вонючее облако рядом с ней? Получается, люди правы и любовь зла? Но разве вся наша жизнь должна быть ей подчинена? Да, любовь… Но что ж теперь, всю жизнь положить на алтарь этого чувства, мучиться долгие годы?..»

Я не понимала свою подругу. Я ни за что и никогда не связалась бы с типом, подобным Лешику – со скверным характером, со множеством дурных привычек, делающих совместную жизнь невыносимой. Да к тому же родители Наташи – Никита Сергеевич и Мария Ивановна, изумительные люди – зачем-то взяли этого типа под свое крыло, в совместный бизнес!

Ну ладно, влюбилась Наталья, что ж теперь. Но зачем так тесно привязывать к себе Лешика, достаточно было бы встреч на нейтральном пространстве. Встретились, позанимались любовью, будь она неладна… и разбежались бы до следующего свидания. Зачем вступать в брак, вести совместный бизнес?! Достаточно и гостевых отношений, тем более когда жених пьет и курит, словно паровоз, того и гляди до рака легких докурится, трать потом силы и средства на его лечение.

И ведь Алексея уже не исправишь. Лешик – взрослый человек со сложившимся характером, с давно сформировавшимися привычками, с которыми он не намерен расставаться.

Мне было жаль свою лучшую подругу, потерявшую голову из-за этого ничтожного человека. Но и себя, в контексте их отношений, мне тоже было жаль. Ведь, если Леша и Ната поженятся, мне тоже придется всю жизнь терпеть этого типа рядом. Не могу же я расстаться с Натальей только потому, что она связала свою жизнь с человеком, которого я терпеть не могу? Нет, конечно. И это обстоятельство меня здорово угнетало.

Зато, с другой стороны, на фоне Алексея мой Артем казался настоящим ангелом, чудом. И по сравнению с моей подругой я была счастливицей, хотя у меня не имелось ни своего бизнеса, ни шикарной квартиры, ни прочего движимого и недвижимого имущества…

Артем всегда старался идти мне навстречу. Он неизменно подчеркивал, что главная обязанность мужчины – нести полную финансовую ответственность за семью. Как-то даже заявил: «Все мое – это наше, все твое – это твое, милая…» Сколько я зарабатываю, как распределяю свои средства, на что их трачу, Артема совершенно не волновало. А зарабатывала я, переводчица-синхронистка, весьма неплохо. Конечно, выходило то густо, то пусто, но в целом я при своей профессии не голодала и всегда была одета-обута. В принципе я даже могла себе позволить взять в ипотеку небольшую квартиру где-нибудь на окраине и расплатиться за нее лет за семь или даже за пять.

Только вот что меня смущало, так это именно нестабильность финансового положения. Иногда заказы на мои услуги шли сплошняком, только успевай ездить на конференции, где требовался одновременный перевод, но были дни полного штиля.

И еще во мне всегда жил страх, именно этот страх мешал мне ввязываться во всякие долгосрочные финансовые проекты. А вдруг я заболею и не смогу гасить свои кредиты? Это же катастрофа! Вот как сейчас – простудилась, получила осложнение, и неизвестно, что дальше, восстановится ли мой слух в прежнем объеме. Безусловно, я отчетливо должна слышать то, что говорит оратор.

А горло, горло?! Эти постоянные заботы о собственном горле, втором и тоже главном инструменте моей профессии… От переводчика-синхрониста требуется не только знание языка – своего и того, с которого переводишь, но и хорошо поставленная, понятная речь.

Третий мой, и тоже главный инструмент – это голова. Если она болит, или я не выспалась, или, не дай бог, на вчерашнем банкете выпила лишнюю рюмку вина, все, считай, голова соображает хуже. А для синхронного перевода необходимы максимальная концентрация внимания, быстрота реакции, находчивость…

Словом, моя профессия требовала умственной и физической выносливости. Недаром же на крупных мероприятиях переводчики-синхронисты работают посменно, всего лишь по 15–30 минут, дольше – тяжело, необходимы передышки… Потом еще день, а то и два после выступления приходишь в себя.

К счастью, мне повезло с бюро, в котором я работала, и, как я уже заметила, с начальством. Борис Львович, сам бывший синхронист, понимал сложности этой профессии и по мере возможности берег своих сотрудников. Никогда не перегружал нас лишней работой, позволял отдыхать подольше после выматывающих международных конференций. Старался привлекать к переводу нескольких специалистов – двух, а то и трех, чтобы мы в случае чего могли друг друга подстраховать.

Но, если подумать, подобная лафа небесконечна. А вдруг Борис Львович вздумает уйти из бюро, отдаст свое дело другому человеку, не столь мудрому и все понимающему? А что, если бюро разорится из-за кризиса? Тогда мне придется искать новое место… Словом, нестабильность моего финансового положения всерьез мешала мне задуматься о квартирном вопросе. И я сама себя успокаивала: ну и что, о чем беспокоиться, зачем предпринимать лишние усилия – собственная жилплощадь есть, соседка вполне адекватная женщина, пусть и не особо аккуратная в быту… Но это же мелочи!

Брак же с Артемом решил бы все мои проблемы. Мне не пришлось бы думать о квартирном вопросе, и я перестала бы трястись из-за каждой простуды… Возможно, даже смогла бы оставить свою профессию.

От этой мысли я даже подскочила на кровати. Попыталась представить, каково это – не ездить ни в какие командировки, не трястись в поездах, не переживать в самолетах, не волноваться во время конференций и не чувствовать после всего опустошение…

Свобода. Свобода…

Просто жить, жить, радоваться каждому дню и знать, что есть человек, который готов поддержать тебя. Да, мне в браке, если я уйду из профессии, придется заняться домашним хозяйством, но разве это сложно? Да я всегда обожала наводить порядок!

Но, с другой стороны, совсем уж терять профессию, превращаться в обычную домохозяйку – глупо, тем более в наше нестабильное время. И чисто по-человечески нехорошо все взваливать на мужа, надо и жене трудиться, пусть и не полный день…

Что бы я стала делать в браке, если бы отказалась от выматывающей профессии синхронистки? Занялась бы переводами книг? Гм, неплохо – сиди себе дома, обложившись словарями… Хотя, если честно, для этого занятия нужно не столько знание языка, сколько литературный дар… А его у меня не наблюдалось. Мои переводы отличались точностью и лаконизмом, но уж никак не стилистическими красотами. Так что вариант с переводами книг не годился.

Или, может, я смогла бы преподавать немецкий в школе? Неполный рабочий день, милые дети… Хотя нет. Нет, нет и нет, только не школа, ни за что! Это та еще ловушка, полная стрессов и казарменного распорядка, обязательств и конфликтов… И какой-нибудь завуч непременно начнет меня прессовать! Так что в школу надо идти лишь человеку, который нашел в преподавании свое призвание, а призвания-то у меня и нет…

Что же мне нравилось, какое занятие, связанное с моими знаниями иностранного языка (а принципиально менять профессию, начинать жизнь словно заново я все же, не собиралась), пришлось бы мне по душе? Я вдруг вспомнила прошлое, студенческие времена. Как в период жесткого безденежья зарабатывала на жизнь репетиторством. И преподавала не детям, а взрослым людям, которые учили иностранный язык осознанно, для конкретных целей. Одни занимались этим для самообразования или для того, чтобы свободно путешествовать по миру, некоторым хорошее знание языка необходимо было для переезда в другую страну. Иногда моими учениками становились студенты, желающие подтянуть свои знания, но не из языковых вузов. Времена моего репетиторства – тяжелые, отчаянные времена, но все же полные надежд, даже веселья…

Пожалуй, это было бы замечательно – будучи замужем, распрощаться с тяжелой и бесприютной долей синхронистки и превратиться в уютную репетиторшу, которая может расходовать свои силы и время по собственному усмотрению…

В этих мечтах о будущем, о новой прекрасной жизни я и уснула. Но приснился мне странный, тревожный сон, в который нахально влез Лешик, жених моей лучшей подруги.

Во сне почему-то именно он оказался у меня в учениках, хотя в реальности я меньше всего хотела бы связываться со столь неприятным человеком.

Что интересно, учила я Лешу не премудростям немецкого, растолковывая ему про перфекты и плюсквамперфекты, артикли и произношение, а… хорошим манерам.

«Послушай, Леша, ты ведешь себя как свинья. Ты хамишь и грубишь близким тебе людям, ты неблагодарный человек, ты это понимаешь?!» – отчитывала его я в своем сне.

«Кому это я хамлю?» – агрессивно отозвался мой ученик.

«Наташе… А еще Никите Сергеевичу и Марии Ивановне!»

«Послушай, Савельева, это не твое дело – лезть в чужую семью!»

«Они мне не чужие. Я тысячу лет знаю этих людей. Они мне как родные! А Наташа… Она мне вообще словно сестра!»

«Вот в том-то и дело, что она тебе *не* сестра. Вы с ней чужие друг другу; и у каждой из вас своя жизнь!» – ожесточенно возразил мне Леша.

«Ты не знаешь, что такое любовь…»

«А ты знаешь? Ты, треска свежемороженая…»

«Попрошу не хамить!»

«Да где ж тут хамство, когда это правда, самая настоящая правда, которую ты боишься признать! Ты, Савельева, рыба в ледяном панцире… И жених твой тоже человек в футляре, весь такой правильный, что аж тошно…»

«Ты так говоришь потому, что привык плохо думать о людях, тебе везде гадости мерещатся, в самых нормальных вещах, в обычных человеческих взаимоотношениях…»

…Проснулась я в скверном настроении.

Вдруг поняла, что мне совсем не хочется идти к Наташе, на ее день рождения. Снова встречаться с ее противным женихом? А что, если увильнуть, сославшись на болезнь? Нет, не получится, Ната обидится. И потом, не бегать же всю жизнь от Леши?

Я вышла в коридор, чтобы умыться и приготовить себе завтрак, после которого мне надлежало проглотить очередную порцию лекарства. И тут я обратила внимание на то, что вовсю трезвонит городской телефон – общий для нас с Тугиной. Он стоял на крошечном столике у стены, рядом с входной дверью.

Раз Алевтина не подошла к телефону, значит, с утра пораньше куда-то умчалась. Именно по утрам моя соседка любила пройтись по магазинам, набрать по скидкам товаров, которые к вечеру обычно уже успевали распродать. На это занятие у нее всегда находились силы. Алевтина объясняла свои походы экономностью и рачительностью (она же одинокая женщина, которая не может позволить себе покупать продукты за полную цену), однако я подозревала, что таким образом Тугина пыталась оправдать свое вечное желание съесть вкусненькое. Да как не купить этих конфет, этой копченой грудинки и этой нежной, лоснящейся соленой лососины, если они идут сегодня по сниженным ценам! Похоже, капустной диете моей соседки пришел конец…

– Алло! – сняла я трубку с базы.

В телефоне затараторил незнакомый женский голос, половину слов я не разобрала.

– Говорите громче, пожалуйста, – попросила я.

– Добрый день, меня зовут… – (не расслышала). – Я представитель банка… – (Не разобрала, какое-то длинное название из нескольких слов.) – Скажите, Руслан Игоревич Шаров сейчас дома? Его можно услышать?

На некоторое время я словно выпала из действительности. Какой еще банк и при чем тут мой младший сводный брат? Вернее, сын моей мачехи, не являющийся мне кровным родственником?

– Руслан Игоревич? – наконец очнулась я. – Он здесь не проживает.

– Как же не проживает: он дал этот номер как свой контактный! – возмутилась девица на том конце провода.

– Но он тут не живет! – тоже возмутилась я.

– Руслан Игоревич взял в нашем банке кредит и уже просрочил несколько платежей!

– А я здесь при чем? – занервничала я.

– Но вы знаете Руслана Игоревича?

– Знаю, это мой… это мой дальний родственник, если можно так сказать, – с неприязнью и тоской произнесла я. И вдруг вспомнила все те криминальные репортажи, которые любит смотреть Алевтина: в одном из них рассказывали, как на людей вешали чужие кредиты. Мне стало не по себе. Наверное, надо было сразу заявить девице из банка, что я не знаю никакого Руслана Игоревича! Но теперь уже поздно…

– Вы не могли бы подсказать, как мне найти господина Шарова?

– Откуда мне знать! Я не общалась с ним несколько лет и впредь не собираюсь этого делать, – отрезала я и бросила трубку обратно на базу.

Я зашла на кухню, но телефон затрезвонил вновь. Пришлось вернуться:

– Алло.

– Здравствуйте, это вам звонят из банка… – длинное название из нескольких слов. – Могу я услышать Шарова Руслана Игоревича?

– Да не живет он тут! – с отчаянием воскликнула я и вернула трубку на место. Никуда не отходя, я решила немного подождать. И точно – городской телефон затрезвонил вновь. И снова представительница банка жаждала связаться с моим сводным братцем.

Так повторилось еще пару раз, под конец я просто отключила телефон и, сильно встревоженная, отправилась на кухню готовить завтрак. Мне и до того не особо хотелось есть, теперь же вид самой пищи вызвал отвращение. Я буквально заставила себя съесть одно яйцо всмятку и только тогда приняла лекарство.

Через час, когда я, преодолевая слабость, отчищала раковину в ванной комнате, хлопнула входная дверь. Я выглянула в коридор: Алевтина разбирала содержимое объемистой сумки-тележки.

– Лид, ты тут? Представляешь, сосиски с пятидесятипроцентной скидкой выбросили… да хорошие, по ГОСТу, известной фирмы… так-то к ним не подступишься, а со скидкой – очень даже. Сбегала бы…

– Не знаю, – вяло отозвалась я, смахнув со лба пот тыльной стороной руки, и поправила резиновые перчатки. – Чего-то неохота.

– А, ну ты же у нас богачка, на скидки тебе плевать, – презрительно фыркнула Тугина. – Так, а это что? – Она уставилась на столик с телефоном. Рядом с базой лежал выдернутый из розетки штепсель.

– Отключила. Из банка звонили.

– Мне? Опять?! – перепугалась Тугина. – Я же все счета свои закрыла, все кредиты погасила… что не так?!

– Все в порядке, Алевтина Антоновна, это мне звонили. Вернее, искали моего сводного брата, Руслана, он зачем-то дал в банке мой телефон как контактный…

– Ну и семейка у тебя, – пробормотала Тугина. Вздохнула, явно успокаиваясь. – Но, ты знаешь, это не дело. Мне звонить должны! Девочки мои, потом Павел со мной всегда по городскому связывается… У тебя проблемы, а я тут страдай…

«Девочками» Тугина называла своих подруг, а Павел, бывший муж, действительно звонил ей только на городской. Он оплачивал все коммунальные платежи Алевтины и поскольку на мобильную связь денег не предоставлял, моя соседка из соображений экономии сотовым телефоном не пользовалась.

Она воткнула штепсель в розетку, и телефон немедленно затрезвонил, словно дожидаясь этого момента.

– Алло? – грозно спросила Тугина, прижав трубку к уху. – Кого? Нет тут таких!

– Ну вот, они целый день так и будут трезвонить! – в отчаянии произнесла я.

– Это твои проблемы, Лидочка, хорошая ты наша! А я – страдай за тебя… – неприязненно повторила она.

– Вот! Вот вам и минусы коммунального проживания! – не выдержав, напомнила я. – А вы еще протестовали против переезда, Алевтина Антоновна!

– Ой, вот только не надо переездом на меня давить… Слушай, Лида, ты должна разобраться со своим братцем! По сути, он подставил тебя, а мучиться мне! Я пожилая одинокая женщина, за меня некому заступиться. Между прочим, единственная моя радость – болтать с девочками по телефону, а ты…

«Пожилая, ничего себе! Всего-то пятьдесят два года!» – подумала я. Под возмущенный бубнеж соседки я закрылась у себя в комнате, отыскала в записной книжке номер мобильного телефона Руслана. Абонент оказался недоступен. Впрочем, этого и следовало ожидать от человека, скрывающегося от своих кредиторов.

И как теперь искать своего «братца»?

Kommt Zeit, kommt Rat?.. Да, решение придет со временем… Нет уж, ждать не стану! Оставался один способ найти Руслана – через мою мачеху, Веру Петровну.

Меньше всего мне хотелось снова связываться с этой женщиной, танком прошедшей по моей жизни, но что поделать…

Телефон моей мачехи тоже не отвечал. Хотя, если подумать, она наверняка сейчас в школе. Время утренних занятий, просьба не отвлекать. Да-да, Вера Петровна работала в школе. Завучем. Вот в *ту* школу мне и следовало направиться, если уж я собралась разобраться со своим «братцем».

Я решила подождать до вечера, вернее, часов до пяти – к этому времени занятия у детей обычно заканчиваются, а учителя еще не успевают разойтись.

Вера Петровна работала в самой обычной московской школе – государственной, но, насколько я помнила, весьма неплохой. Туда стремились не только жители того района, которому принадлежала школа, но и их «соседи».

Как завуч Вера Петровна вела вечную борьбу с учителями. Причем, по ее мнению, учителя делились на две категории: на тюфяков и живчиков. Первые терпеть не могли перемен и новшеств, перестраиваться под очередные правила не желали, вторые же, наоборот, пытались преподавать по-своему, по-новаторски. Одни тянули назад, другие – уж слишком вперед, и Вере Петровне, стремящейся сформировать единую команду, все время приходилось кого-то сдерживать, а кого-то – подстегивать.

Это я прекрасно помнила, опять же, по тем временам, когда мы все жили под одной крышей: отец, я, мачеха с ее отпрыском…

Наверное, Вера Петровна была неплохим профессионалом, болеющим за свое дело, и именно за эти качества мой мечтательный и рассеянный, словно немного не от мира сего, отец и полюбил эту женщину. За ее неравнодушие, энергию, оптимизм, уверенность в себе.

Противоположности притягиваются!

Но у всякого явления, как и у медали, есть две стороны. Энергичная, напористая, уверенная в себе и своей правоте Вера Петровна после смерти отца так же легко и не задумываясь поделила нашу, вернее, теперь уже *мою* квартиру. Даже не обращая внимания на то, что отец написал завещание на меня.

Завещание ведь можно легко оспорить, не так ли? Тем более когда в бывших учениках – ныне известный адвокат.

Вера Петровна была законной женой моего отца, и у нее на тот момент был несовершеннолетний ребенок. Так что какое завещание?.. Квартиру непременно надо было поделить пополам, между ней и мной, тогда девятнадцатилетней студенткой вуза…

Что интересно, у Веры Петровны имелась своя собственная квартира, вернее, она принадлежала ее матери, бабушке Руслана. После смерти старушки Вера Петровна стала владелицей двух квартир – той, что отошла к ней по наследству после смерти ее матери, и той, однокомнатной, что она получила после раздела имущества со мной. У меня – комната в коммуналке, у Веры Петровны с Русланом – однушка в центре.

…Пока я добиралась до школы, где работала моя мачеха, вспоминала все те события, которые в свое время сильно меня подкосили. Да что там, мне теперь до самой смерти не забыть наглости «второй мамочки»!

Наконец я оказалась на месте. Зайдя внутрь, я тут же столкнулась с охранником, занимавшим пост в вестибюле за столом:

– Девушка, минутку, вы куда?

– Я к Вере Петровне. Савельевой. К завучу.

«А вдруг она уж не завуч, а директор? – запоздало спохватилась я. – Или вовсе ушла отсюда?! Или в очередной раз вышла замуж и сменила фамилию?»

Но, судя по всему, положение моей мачехи здесь, равно как и ее фамилия, остались неизменными.

– Да? – охранник придвинул к себе журнал. – А вам назначено?

По лестнице с противоположной стороны спустилась немолодая дама в строгом костюме, кивнула охраннику:

– Костя, всего доброго.

– До свидания! До завтра, Элина Викторовна! – отозвался охранник и вновь повернулся ко мне. – Так вам назначено?

– Нет, – вздохнула я. И решила пойти ва-банк: – Я дочь Веры Петровны.

– Дочь? – изумился охранник.

– Дочь? – обернулась пожилая дама, которая уже потянула входную дверь на себя.

– Не родная, конечно, приемная, – сказала я и достала свой паспорт из сумочки. – Вот, у нас одна с ней фамилия, по моему отцу…

– А, точно! – оживилась дама. – Я помню! Вера как-то говорила, что воспитывала дочь своего мужа, как ее звали… ах ты, у меня же профессиональная память… Лида?

– Да, Лидия, точно! – улыбнулся охранник, развернув мой паспорт и разглядывая страницы. – Лидия Александровна Савельева.

– Александровна, да. Саша – так Вериного второго мужа звали. Значит, есть еще память. Костя, пропусти девушку… Лидочка, Вера Петровна на втором этаже, в конце коридора, в кабинете биологии…

Дама покинула здание школы, а охранник протянул мой паспорт обратно и добродушно кивнул, пропуская.

Я поднялась по лестнице на второй этаж. «Какое глупое, бессмысленное вранье, зачем? Хотя почему же вранье? Я просто могла попросить вызвать Веру Петровну в вестибюль. Но тогда она спросила бы у охранника, кто ее ждет… А узнав, что я ищу ее, наверняка отказалась бы со мной встречаться! А может, и не отказалась бы, с нее все как с гуся вода… Интересно, ее милые коллеги по школе, другие учителя знают, как непедагогично когда-то их руководительница поступила с одной сиротой, с бедной девушкой, только что лишившейся отца?..»

Длинный широкий коридор, закрытые белые двери с одной стороны, с другой – прозрачные окна, за которыми в темно-фиолетовой дымке прятался город. Яркий свет ламп под потолком. Половицы у меня под ногами едва заметно пружинили. Наверное, и поскрипывали еще, но я, увы, этих негромких звуков слышать пока не могла.

Вера Петровна сидела в пустом классе, за учительским местом, перед ней на столе были веером разложены какие-то квитанции.

Она подняла голову от бумаг, быстро взглянула на меня. Это знакомое, «птичье» движение, от которого у меня вдруг перехватило дыхание…

Кажется, моя мачеха совершенно не изменилась. Время словно законсервировало ее.

Сухая, спортивная стать – прямая спина, широко развернутые плечи. Красивые, с узкими запястьями и длинными пальцами руки. Длинная открытая шея, что удивительно, абсолютно без морщин и провисшей кожи, гладкое овальное личико – минимум косметики, строгий и внимательный взгляд. Короткая изящная стрижка. Волосы, густые и темные, покрывали голову аккуратным блестящим шлемиком. Стильный пиджак из пестренькой буклированной ткани. Не Шанель ли? С Веры Петровны станется… Она сидела за столом без боковых деталей, так что я смогла разглядеть и плоский живот, и стройные ноги. Юбка до колен, изящные щиколотки, бежевые туфли-лодочки.

«Сколько сейчас этой женщине лет? – невольно подумала я. – Да, в общем, не так уж и много: лет пятьдесят, пятьдесят с небольшим, ведь она младше моего отца…»

Выходило, что Вера Петровна практически ровесница Тугиной. Но, боже мой, какая пропасть между двумя этими женщинами…

– Лида? – негромко, но отчетливо произнесла Вера Петровна. – Что ты здесь делаешь?

– Пришла поговорить.

– Садись, – концом ручки, которой писала, моя мачеха указала на первую парту перед собой. – Слушаю тебя, Лида.

– Мне сегодня звонили из банка…

– Так, а я при чем?

– Искали Руслана, – пояснила я. Крылья ее аккуратного носа дрогнули, Вера Петровна на миг опустила длинные черные ресницы (значит, была в курсе всего!), но потом все тем же бестрепетным и строгим взглядом снова уставилась на меня. Я продолжила с напором: – Буквально затерроризировали своими звонками!

– Так, а я при чем? – повторила она.

– При том, что вы его мать. Я пыталась дозвониться до Руслана, но его телефон не отвечает. Что мне делать, как еще его искать?

– Лида, мой сын взрослый человек, ему тридцать лет, решай все свои дела с ним, а не со мной, – сухо отчеканила Вера Петровна.

– Ну так дайте мне его действующий номер, дайте адрес проживания. Как я должна его найти?

– Не знаю, – легко, не задумываясь, ответила та.

Я уже едва могла себя сдерживать, гнев и отчаяние разрывали меня изнутри.

– Но это же неправда… – пробормотала я, чувствуя, что голос мой начинает предательски дрожать. Я опять была той, прежней – девочкой-второкурсницей, которой на голову рухнуло небо. – Все вы знаете!

– Лида, я была обязана все знать о моем сыне много лет назад, когда он еще находился под моей опекой. И тогда же я отвечала за все его поступки. Тогда ко мне могли прийти и спросить с меня – *за* него. Но с тех пор как мой сын стал совершеннолетним, с меня спроса нет!

– Что же мне делать…

– Лида, с чего ты взяла, что я обязана помогать тебе, тоже уже взрослой, самостоятельной молодой женщине? Ты должна сама, ты слышишь – сама! – решать свои проблемы.

Я молчала, чувствуя, что если скажу еще хоть слово, то просто разрыдаюсь, а мне так не хотелось раскисать перед Верой Петровной, показывать ей свою слабость.

– Я не специалист в юриспруденции, но все же в курсе новостей… Если ты считаешь, что банк неправомерно беспокоит тебя – пиши заявление… В банке обязаны рассмотреть его и принять решение. Если же они не примут мер и продолжат названивать, то ты можешь обратиться в суд, направить иск банку… Ну, кажется, именно так полагается действовать, насколько я знаю. В любом случае уточни.

– Так это я должна идти куда-то? Я, а не ваш сын?

– Тебе это нужно – ты и иди, – строго произнесла Вера Петровна.

Слезы потекли у меня из глаз.

– Лида, перестань, – холодно сказала моя мачеха. – Держи себя в руках. Что за драма… Это же ерунда, по сути. Ну да, беспокоят из банка… Но это ошибка, скоро они разберутся.

– Вы чудовище, Вера Петровна, – вытирая пальцами слезы, сказала я. – Бог вас накажет.

– За что?

– А то вы не знаете… Была у зайца избушка лубяная, а у лисы ледяная… – выдавила я из себя.

– Ты все о том же? Как злая мачеха выгнала тебя из уютной норки? А о том, что злая мачеха несколько лет воспитывала девочку Лиду, ты не хочешь вспомнить? Злая мачеха пахала на всю семью, несла на себе быт и еще умудрялась ходить на работу, в школу… Злая мачеха поила, кормила, одевала, проверяла уроки, водила к врачам! Она вкладывала всю душу в эту семью, она никогда не разделяла детей – на своего и чужую, она была строга к обоим и хвалила

– тоже обоих! Все по-честному. Она, одинокая женщина с ребенком, обожала своего мужа, надеялась, что муж сумеет позаботиться о ней и не выгонит, если что, на улицу… Бедная женщина надеялась, что ее труд и любовь оценят и не забудут. Но нет, – стальным голосом воскликнула Вера Петровна. – Бедной женщине дали от ворот поворот. Послужила – и хватит. Ей показали, что она – никто и ничего не получит.

– Но у вас же была своя квартира!

– Не моя, моей матери, – сухо отрезала Вера Петровна.

– И что? Вы же знали, что она перейдет к вам, и перешла… два пишем, три в уме…

– Лида, как же я от тебя устала, – вздохнула моя мачеха. – Ты все та же избалованная, капризная девочка, думающая, что весь мир принадлежит только тебе… Достойная дочь своего отца… мужчины, который клялся мне в любви, но и не думал обо мне позаботиться…

Кажется, в первый раз в голосе моей мачехи проскользнуло что-то человеческое, живое. Она всегда говорила ровно и сухо, иногда с иронией, но мягко – словом, настолько спокойно, что ее интонации не выдавали ни агрессии, ни злобы, и обвинить в них эту женщину было тяжело. Влияние профессии? Скорее всего. Но лишь сейчас в словах Веры Петровны прозвучала явная горечь.

– Вы обвиняете моего отца в том, что он плохо воспитал меня? – вздрогнула я, и слезы сами собой высохли, меня буквально заколотило. – Я хороший человек… Я никогда и никого в своей жизни не обижала, училась и работала. Я сама, без чьей-либо помощи, сумела окончить институт, кстати! Никогда и никому не жаловалась, я не скандалистка, не склочница, не сутяга, я все удары судьбы приняла достойно, вы от меня ни одного слова грубого не слышали, и никто не слышал… А вот вы, Вера Петровна…

– Что – я? – прошелестела та. Вернее, я угадала эти слова по движению ее губ.

– Вы ведь дипломированный педагог, правда? И как вы воспитали собственного сына? Он ведь даже в институт, я слышала, поступить не смог… Вы считаете, что я инфантильна, не так ли? Вы посмели обвинить моего отца в том, что он плохо меня воспитал? А как *вы* воспитали собственного сына?! Получается, вы превратили его в безвольную тряпку! Руслан, как я понимаю, не может себя обеспечить, раз набрал в банках кредитов… и даже отдать их не в состоянии…

– Ты же знаешь, какие хищники эти банки! – отчеканила Вера Петровна. – Во всех новостях…

– Ага, набежали банкиры и напали на бедного мальчика… – перебила ее я. – А он, наивный отрок тридцати лет от роду, вынужден был подписать с банком кучу договоров… – тоже отчеканила я. – А вас не смущает, что ваш сын, плод вашего педагогического опыта, нагло подставил меня, дав банку мой телефонный номер? Вот так мужчина!

Вера Петровна молчала, лишь крылья ее точеного, аккуратного носа слегка подрагивали.

– Ты ничего не знаешь… – наконец пробормотала она после долгой паузы.

– А, выходит, есть нечто, что оправдывает вашего Русланчика, да? Отчего ему *можно*, ему простительно подставлять свою сводную сестру, да?

– Я не говорю, что Руслан был прав, когда дал банку твой номер… Но кто знал! В любом случае это такие мелочи! Ты никак не должна пострадать, это же очевидно, – кажется, Вера Петровна сумела взять себя в руки, потому что заговорила в своей прежней манере – невозмутимым менторским тоном.

«Бесполезно, говорить с ней бесполезно!» – меня словно окатило ушатом ледяной воды. Я внезапно осознала, что сама сглупила. Зачем я пошла к этой женщине, на что надеялась… Вера Петровна – человек без чувств, нет никакого смысла взывать к ее совести и участию. Ее речи – сплошная демагогия. Лишь в одном она права – со сложившейся ситуацией мне придется разбираться самой.

Хотя и разбираться необязательно… В сущности, что меня беспокоило? Только возмущение Тугиной, лишенной на время возможности общаться по городскому телефону… А, и Тугина переживет, пусть осваивает наконец мобильную связь.

Некоторое время я молчала, глядя на Веру Петровну, затем вздохнула и вышла из класса.

По дороге домой я вспоминала сводного брата, Руслана. Нелюдимый, замкнутый мальчик, всего лишь несколькими годами младше меня. Позже он превратился в абсолютно закрытого юношу, который ничего не хотел, лишь сутками зависал перед компьютером, играя в свои игры. Меня он тогда нисколько не беспокоил, потому как относился ко мне как к пустому месту. И мне он тоже был безразличен.

В какую же историю он влип сейчас, отчего вдруг влез в долги? Впрочем, какая разница, это его проблемы, и меня они никак не касаются.

Я остановилась у дороги, ожидая, когда на светофоре загорится зеленый свет. Мягко постукивая, мимо проехал трамвай нового поколения, красивый и яркий, переливающийся огнями.

– До метро идет? – спросила какая-то женщина.

– Идет, – не поворачиваясь, отозвалась я. – Две остановки.

Зажегся зеленый. Мне навстречу бежали две девушки и негромко, смеясь, обсуждали свою подругу, некую Лильку, которая флиртует с парнями на сайтах знакомств…

На руках у дамы, выходящей из автомобиля, припаркованного неподалеку от магазина, затявкал маленький рыжий пес, кажется, шпиц. Негромко и вкрадчиво клацнула закрывающаяся дверца дорогого авто.

Капало с крыши, и капли с монотонным и скучным перестуком падали на железную крышу пристройки – бедные жильцы первого этажа, вечно им слушать эту капель…

«А я ведь *слышу*! – вдруг осознала я. – Я опять все слышу!»

Мир словно открылся мне вновь – в своей глубине и многомерности, наполнился звуками, вновь стал объемным. Это было так удивительно, что я на время даже забыла о мачехе и никчемном сводном брате. Так и стояла посреди улицы, слушая звуки автострады, голоса, музыку, доносящуюся из чьего-то открытого окна, крики ворон на деревьях и то, как с шуршанием трутся на февральском ветру ветви этих деревьев…

– …Небольшое воспаление еще осталось, но в целом все идет прекрасно, – произнесла доктор, заглянув в мои слуховые проходы с помощью специальных инструментов. Это было на следующий день, когда я пришла к ней на плановый осмотр. – В принципе ушки может еще иногда закладывать, на время. Но это нормально. Потом слух все равно вернется, поскольку отек все меньше. Не забудьте пропить курс тех лекарств, что я вам выписала, до конца.

– Да, я знаю, обязательно… – счастливо улыбнулась я.

– Жду вас в следующий понедельник. Всего доброго.

– Всего доброго. Спасибо, доктор, огромное спасибо!

В этот раз я вышла из поликлиники, переполненная каким-то тревожным, зыбким счастьем. С одной стороны, меня не могло не радовать то обстоятельство, что здоровье мое пошло на поправку, с другой – а вдруг это все ненадолго? Отправлюсь в очередную командировку, и опять меня продует где-нибудь, или привяжется какой-нибудь зловредный вирус…

Мои размышления прервал звонок мобильного. Надо же, легок на помине, мой милейший начальник!

– Да, Борис Львович? – несчастным голосом отозвалась я.

– Лидхен, ну как ты там, моя прелесть, как твое драгоценное здоровье?

– Вот иду из поликлиники…

– Что говорит доктор? Сейчас все сотрудники гриппуют, а тут на следующей неделе наметилась большая конференция в Астане, я даже не знаю, кого туда посылать.

– Борис Львович, на следующей неделе – никак. Отоларинголог не хочет меня выписывать, мне к ней ходить и ходить, я пью лекарства…

– Ах, ангел мой, как жаль, – кротко отозвался Буслюк. – Ну ладно, постараюсь найти тебе замену. А ты уж, пожалуйста, выздоравливай поскорее, ведь без ножа меня режешь!

Я попрощалась с начальником и зашла в свой подъезд. Дом был полон звуков и шумов, показавшихся мне, пока я поднималась по лестнице, особенно отчетливыми и громкими.

И мне не хотелось бы все это терять в очередной раз. Разумеется, простудиться можно и у себя дома, никуда не выезжая, но частые поездки увеличивали риск. Кому-то, возможно, путешествия доставляли радость, но только не мне; чем дальше, тем сильнее росло мое отвращение к ним.

Поезда – брр… Даже чистенькие и уютные скоростные европейские поезда, следующие точно по расписанию, не вызывали во мне симпатии. Слишком часто я путешествовала в них, находясь в странном состоянии безвременья, между двумя городами. Любая дорога для меня – это не опыт, не интересные встречи и необыкновенные события, это потерянное, вычеркнутое из жизни время.

А самолеты? Вроде бы самый стремительный вид транспорта, но нет… Ведь это только кажется, что самолетом быстрее. На самом деле даже если летишь из Москвы в Питер, теряешь целый день.

Надо собрать вещи заранее, переживая, удастся ли захватить с собой все необходимое; встать на рассвете, чтобы успеть к утреннему рейсу, трястись в метро, затем добираться до аэропорта на аэроэкспрессе… Ну или нервничать, сидя в такси: успею или не успею по пробкам? Потом необходимо перетерпеть эти нудные формальности в аэропорту: сдача багажа, очереди, ожидание в зале… И счастье, если рейс не отложили!

Зал прилета, получение багажа, снова очереди… Дорога к месту прибытия, заселение в гостиницу… Долго! Все долго и нудно, особенно когда накатывает усталость и сказывается ранний подъем. Вот так и выходит, что добираться самолетом ничуть не быстрее, ведь, как ни крути, целый день, проведенный в скучных дорожных хлопотах, будто выпадает из жизни. Ах, ведь я еще не упомянула о вопросе питания в дороге, очередях в туалет, порой неадекватных и надоедливых попутчиках! Да, и частенько случается так, что рейсы задерживаются! А как затекают ноги во время долгого сидения в салоне самолета, как закладывает уши при подъеме на высоту… Представив себе все эти дорожные «прелести», я невольно застонала.

В квартире стояла тишина. Не гремели кастрюли, не орал телевизор. Значит, Тугиной дома нет, заключила я. Правда, пахло как-то подозрительно…

Я зашла на кухню, чтобы поставить чайник, и тут же наткнулась на очередной сюрприз от соседки. Похоже, перед выходом Алевтина готовила себе завтрак. И, судя по всему, отнюдь не диетический. И на плите, и на стене красовались потеки жира; в мойке лежала грязная сковорода, на полу блестели лужи воды, так что запросто можно было поскользнуться и упасть… Все липкое и скользкое, за что ни возьмись. К подобному трудно было привыкнуть.

Алевтина Антоновна обладала редким даром испачкать все вокруг за считаные минуты. Она вообще все делала стремительно и неотвратимо: портила новые вещи, рвала одежду – случайно, конечно. У только что купленной ею обуви отламывались каблуки, а все свежеприобретенные гаджеты буквально рассыпались в руках.

Тугина категорически не умела «дружить» с вещами. Тем не менее, несмотря на беспорядок и валяющиеся кое-где обломки, я понимала, что это не самый страшный человеческий недостаток, а потому никогда не злилась по этой причине. Однако я никак не могла смириться с грязью, жирными и скользкими потеками на всех поверхностях, с тем противным ощущением, когда прикасаешься к чему-либо и буквально прилипаешь, как муха к ленте-ловушке…

Я, быстро переодевшись, принялась отчищать кухню.

«Ну ладно, мне-то не трудно… Просто она такой человек, неаккуратный… Не специально же мусорит и все проливает! И грязи она не замечает, у нее зрение… специфическое. Видит все вокруг, кроме грязи. В каком-то смысле Алевтине Антоновне повезло… А я действительно, как та муха, одну грязь замечаю! Но, с другой стороны, Тугина могла бы хоть как-то поучаствовать в уборке квартиры. Например, покупая бытовую химию. Я же свои порошки и чистящие средства на уборку трачу! А она – любительница покупать товары со скидкой, ей и флаг в руки… Я не обязана терпеть и молча тут все надраивать! Пора уже заявить Алевтине – пусть включается в процесс совместной жизни, это же невозможно терпеть…»

Защелкал ключ в замке, хлопнула входная дверь, зашуршали пакеты.

– Алевтина Антоновна… добрый день! – выглянула я в коридор.

Соседка, мрачно посмотрев на меня, буркнула неодобрительное «привет».

Кажется, Тугина до сих пор злилась на меня за то, что пришлось на время отключить городской телефон.

– Алевтина Антоновна, у меня к вам деловое предложение. – Тугина молчала, шурша своими пакетами. – А давайте вот как поступим. Я убираю квартиру, вернее, места общего пользования, а вы – покупаете бытовую химию. По скидкам и акциям, разумеется.

– Еще чего, – не задумываясь, грубо отрезала Тугина.

– Хорошо… – Я почувствовала, что щеки у меня вспыхнули, но сдаваться я и не думала. – Давайте так. Я убираю места общего пользования, а вы покупаете бытовую химию, но я оплачиваю половину ее стоимости…

– Нет, – хладнокровно произнесла Тугина и вместе с многочисленными пакетами скрылась в своей комнате. Крикнула уже оттуда: – Тебе надо, ты и покупай.

Я едва не заплакала от досады. Уже в который раз я слышала в свой адрес слова, смысл которых сводился к одному: тебе надо, ты этим и занимайся.

А что, если вот прямо сегодня, сейчас уехать к Артему и жить у него? Пусть Тугина тут грязью зарастает, пока дом этот под снос не пойдет…

«На Алевтину это не подействует, – мрачно подумала я. – И Артему лишние проблемы… Мы же договорились, что до свадьбы живем раздельно. Но, с другой стороны, он что, не будет мне рад? Даже если он не успел подготовить свое жилье к совместному проживанию… Я расскажу ему о кредиторах брата, которые достают меня звонками, о том, что хочу бросить свою работу и сидеть дома… Наверное, он только рад будет, что я перестану ездить в эти дурацкие командировки и стану каждый вечер проводить с ним!»

Артем всегда декларировал кредо: он мужик и готов взять на себя решение всех возникающих проблем и вопросов, включая материальные.

Но, с другой стороны, нехорошо полностью садиться на его шею. Кто я тогда, что я тогда? Получается, Вера Петровна права, назвав меня инфантильной девчонкой, которая ждет от мира, чтобы кто-то решил все ее проблемы, а потом взял на ручки! А почему бы и нет, почему я отказываюсь от той заботы, какую мне щедро предлагает мой жених?..

Я решила немедленно позвонить Артему. Раздались гудки, затем послышалось его короткое «да, детка, слушаю тебя».

– Алло, милый…

– Лида, только недолго, у меня через пять минут совещание, – деловито предупредил Артем. – Что-то случилось?

– Н-нет. Я… я соскучилась. Хотя… Нет, правда, нечего не случилось, просто надо поговорить.

– Детка, не сейчас. Буду у тебя вечером, после семи, ладно? Сейчас не могу никак. Целую, до вечера.

– Целую, Темочка, – с нежностью произнесла я и нажала на кнопку отбоя.

Я отбросила телефон в сторону и упала спиной на кровать. А чего я хотела, не ждала же я, что мой жених побежит ко мне, словно собачка, по первому свистку? Он занятой человек, у него есть работа. Или дело не в нем, а во мне? Да-да, во мне! Просто мне стыдно вешать на него все свои проблемы!

…Артем пришел около восьми – серьезный, даже немного отрешенный, с огромным кожаным саквояжем.

– О, что там? – Поцеловав жениха, я с уважением потрогала раздутый бок саквояжа – вещь явно дорогая, стильная, под старину.

– Только не открывай! Я сам едва смог захлопнуть, такой замок капризный! – спохватился Артем, поставил свой саквояж у двери, словно боясь забыть его.

– Нет-нет, не буду! Отличная сумка.

– В Милане купил, действительно удачное приобретение… Я сейчас с партнерами еду на встречу. Задержусь допоздна, часов до двух ночи. Будет что-то вроде презентации. Тут все необходимое. А ты как, детка? – спросил Артем. – Болеешь?

– Нет, уже лучше, намного лучше!

– Да прямо! Я же вижу, какая ты бледненькая. – Он обнял меня и осторожно прижал к себе.

– Ты всегда обращаешься со мной как с хрупкой вазой, – пробормотала я. «Пожалуй, не стану сегодня его грузить, потом. Все потом…»

– Ты и есть хрупкая ваза, эфемерное создание, – пробормотал он, целуя меня в макушку. – Ты из хрусталя. Нет, ты самый настоящий бриллиант!

– Nicht jeder Stein ist ein Edelstein… Не всякий камень является драгоценным. Ой, ну что ты, мне кажется, я обычная женщина, Артем.

– Ты чудо, – торжественно возразил он. – Я так боюсь раздавить тебя своими грубыми лапами.

– Не бойся, бриллианты крепкие, – прошептала я и потянулась к нему с поцелуем. В этот момент я подумала: ну раз я считаю себя самостоятельной и независимой, то и в *этом* вопросе проявлю свою волю. В самом деле, в отношениях с Артемом я почти никогда не выказывала инициативы, лишь позволяя своему жениху любить себя. И это в наше-то время, когда столько одиноких женщин, буквально бьющихся за свое личное счастье! На различных тренингах и курсах они учатся тайнам и всевозможным техникам любви и обольщения, осваивают эротический массаж и постигают какие-то редкие восточные учения, позволяющие паре достичь небывалого наслаждения…

Вокруг страшная конкуренция, а я ничего, кроме миссионерских ласк, Артему не позволяла! Нет, он и не требовал от меня иного, он действительно всегда обращался со мной как с хрустальной вазой, но невозможно же вечно поститься…

– Детка, что ты делаешь… – Он вдруг осторожно перехватил мои руки. – Я сам. Тут пуговицы и, знаешь, еще запонки…

– Я соскучилась. Я… я хочу тебя…

– Детка, ты такая милая. Как я мог забыть, что ты соскучилась… ты ведь живая женщина… я сам, погоди.

Он разделся сам, затем раздел меня и на руках отнес к кровати.

– Ты такая легкая, словно перышко.

Я не знаю, как это у Артема получалось, но он очень ловко уводил мою инициативу в сторону, гасил все мои начинания. Я тянула к нему руки, а он перехватывал их и покрывал поцелуями. Я прижималась к нему, а он перекатывал меня на другой бок, я пыталась наклониться, нагнуться, а он сгибался вместе со мной и тут же тянул меня куда-то вверх, распрямлял.

Происходящее чем-то напоминало танец. Под конец всех этих «плясок» мне захотелось просто обнять Артема, тесно-тесно, буквально слиться с ним, почувствовать биение его сердца,

услышать его дыхание – для того, чтобы понять: я не одна, я не одна, я с любимым… Но снова не получилось – он резво отстранился, потянулся к карману своих брюк и достал оттуда квадратик из фольги. Мне осталось только лежать и ждать.

Артем вновь приник ко мне, все его движения отличались плавностью, даже осторожностью. Тяжелым облаком Артем плыл где-то высоко надо мной… Впрочем, недолго, внутри облака довольно скоро сверкнула молния, все задрожало, прогремел гром, и далеко-далеко в полях на пустую землю пролился невидимый дождь.

– Тебе хорошо? – с нежностью прошептал мне на ухо Артем.

Я хотела ответить, но задумалась. Как описать словами то ощущение, которое владело мной сейчас? Не хорошо и не плохо, никак. Но в то же время что-то ведь произошло, да?

– Ах ты, бедная моя девочка, – продолжил он и чмокнул меня в ухо. «Наверное, думает, что я не слышу. Но это странно. Вот это и есть любовь? И так всю жизнь? Нет, иногда бывает, что и я вроде как довольная и удовлетворенная, один раз из десяти… Это много, мало или нормально? Чего я сейчас хотела? Испытать оргазм… Не-ет, я просто хотела обнять Артема, чтобы ощутить, что он мой!»

– Извини, мне должны позвонить, – произнес Артем громко, вскочил и быстро оделся. Взглянул на экран своего мобильного, кивнул. – Да, точно. Сейчас перезвоню…

Он вышел из комнаты. «Куда он? Там же Алевтина! Или она спать легла – как-то тихо…»

Я накинула на себя длинное платье-рубашку, в котором ходила дома, выскользнула в коридор – уж очень мне не хотелось, чтобы Артем и Алевтина скандалили… Но моя соседка, судя по храпу, доносившемуся из ее комнаты, действительно спала.

А Артем с кем-то беседовал на кухне вполголоса:

– Да, скоро буду. Да не злись ты, пожалуйста. Я знаю, что завтра тебе на работу. И мне тоже завтра на работу… Сейчас выезжаю, говорю.

Я юркнула обратно к себе в комнату.

Мне почему-то стало не по себе. С кем это Артем говорил? Со своим коллегой, каким-то партнером? Что он ему собрался «презентовать»?.. Почему «не злись»? Это какая-то совсем уж не официальная формулировка.

Я, словно в каком-то забытьи, подошла к саквояжу и открыла замок – одним поворотом. Раз – и вот уже видно нутро саквояжа: веник, войлочная шапка, какие-то склянки, судочки с едой, бутылки…

С таким багажом обычно ходят в баню, чтобы от души повеселиться и отдохнуть. Хотя… говорят, и в банях сейчас устраивают презентации. И отдых, и работа. Но… «Наверное, Артем наврал мне про презентацию, – мелькнуло у меня в голове. – Собрался с друзьями в баню. А сказать неудобно. Бывает. Ситуация, как в старом фильме про Новый год, где три друга отдыхают в бане. Забыла название… А что такого, почему мужчина не имеет права отдохнуть? Я же не собираюсь становиться типичной женушкой и загонять мужа под свой каблук?»

Но это «не злись»… Словно он успокаивал женщину.

Я легко, не прилагая особых усилий, захлопнула створки саквояжа и снова выглянула в коридор. В ванной шумела вода. Я повернула на кухню и увидела телефон Артема, лежавший на чистом, недавно отмытом мною столе.

Зачем терзаться ревностью, не проще ли посмотреть, с кем он сейчас разговаривал?

Так, последние звонки… Некто, под именем ВВВ. Вот незадача, и не поймешь, кто это – мужчина или женщина. Далее шли имена, имена-отчества, имена-фамилии… Мужские и женские. И вот опять загадочный абонент среди этих вполне невинных Вадиков, Сергеев, Олегов Пеструхиных и Анжел Викторовн Погодиных – некто под аббревиатурой ККК.

Недолго думая, я переписала эти два номера на салфетку и вернулась к себе в комнату. Надо заметить, я никогда и ни за кем раньше не следила, ни в чьи телефоны не заглядывала и

ничьи сумки не проверяла. Потому что следить, вынюхивать и проверять – отвратительно. Но зачем же я сейчас это делала? Наверное, на меня нашло затмение, не иначе.

Я упала на кровать и завернулась в одеяло. Чувствовала я себя уставшей, словно выпотрошенной: и физически, и морально.

В комнату зашел Артем, пригладил перед зеркалом влажные волосы.

– Ты хотела со мной поговорить, детка? – не поворачиваясь, громко спросил он.

«Чего он орет? А, я же ему не сказала… Ладно, плевать».

– Детка, ты хотела поговорить со мной? – повторил мой жених.

– В субботу нас ждет Наташа, ты помнишь?

– Кто? А, эта твоя подруга… Ну да, у нее же день рождения. Слушай детка, я дам тебе денег, купи подарок от нас обоих, я совершенно не умею их выбирать.

– Ладно, – вяло отозвалась я. И неожиданно у меня вырвалось: – Если бы ты знал, как я не хочу к ней идти!

– Почему?

– Терпеть не могу ее противного Лешика.

– Я тоже от него не в восторге. Слушай, я вспомнил, у меня в субботу срочные дела. Я вот тут тебе кладу деньги – на подарок от нас, а ты своей Наталье скажи, что я занят. Да и не особо я там нужен, я уверен.

– Ты хитрюга.

– Я не хитрый, я ведь, правда, не сразу вспомнил… – смущенно засмеялся Артем. – Ну все, пока, детка.

Он поцеловал меня на прощанье и вышел.

Я так и осталась лежать на кровати. «Как же гадко все это… До чего я докатилась! Проверяю телефон своего жениха…» Я закрылась одеялом, нырнув под него с головой. Вдруг новая мысль заставила меня дернуться: для чего же Артему понадобилось мыться сейчас? Нет, понятно, но… Он так *долго и тщательно* мылся под душем, словно пытался смыть с себя всякое напоминание обо мне, о том, что между нами только что произошло… Ему же сейчас все равно в баню идти, судя по тому набору, что таится у него в саквояже…

Похоже, что Артема где-то ждала женщина. Ждала и злилась. Эта женщина с первых мгновений их встречи готова была обнять его, поцеловать, уткнуться носом в шею. И вполне могла спросить удивленно-рассерженно, мол, «чьими это духами от тебя пахнет, дорогой?» И вот именно этого Артем пытался избежать, а потому столь тщательно мылся… Да, потом у него с этой женщиной будут совместные посиделки в бане, жар печи и холод купели, но главное для него, чтобы в первый момент его таинственная ВВВ не узнала о том, что он сегодня уже был с другой женщиной.

ВВВ и ККК. Явления одного порядка. Два похожих шифра. Две женщины, с которыми мой жених изменяет мне? А что, мужчины достаточно линейные создания, и эта простота им не в минус, такая уж особенность мышления, при которой ум все держит в строгом предсказуемом порядке…

Две женщины, две любовницы?! Нет, это бред! Чтобы сразу *две*. Артем уж точно не Казанова. Ну какой из него дамский угодник?

Помню, с какой печалью и тоской он как-то рассказывал о своем отце, гулене и бабнике. Как страдала его мать, как он, мальчик, с трудом выносил тогда скандалы родителей… Артем ненавидел само это явление – измены. Он всегда мечтал о крепкой, дружной семье и не хотел повторения того, что творилось в его детстве.

И вообще, какая любовница, он же честный, хороший человек. Артем на все готов ради меня, таких мужчин, как мой жених, еще надо поискать! Но тогда зачем он солгал мне про сегодняшнюю презентацию? Или не солгал? Или… Да нет же, просто он очень чуткий и не хотел меня расстраивать, не хотел, чтобы я в нем сомневалась. «Ах, ты в баню с друзьями

собрался, милый! А девиц легкого поведения там точно не будет?» Его осторожность, деликатность, мудрость выросли корнями из детства, и теперь он даже самой малостью боится расстроить любимую.

Но мылся-то он тогда почему?.. Да потому что Артем чистюля, и это нормально – принимать душ после близости, что же я за параноик-то! Сама сегодня кухню отдраивала, а к жениху привязалась! У каждого человека свои представления о чистоте и о том, сколь тщательно ее надо поддерживать.

…Я купила в подарок Наташе роскошный набор для ухода за волосами: шампунь, бальзам, специальное масло в ампулах для роста волос. Благо я знала, какой у моей подруги тип волос и что она обожает все, связанное с уходом за шевелюрой… Подтверждением тому являлась могучая – из длинных, шелковистых и благоуханных волос – коса Натальи. С этим набором я и явилась к подруге домой в назначенный час.

– Спасибо, Лидочка, ты, как всегда, угадала мое желание! – открыв дверь и приняв у меня из рук корзину с подарком, поцеловала меня подруга. За ее спиной, за прикрытой дверью в большую залу весело шумели. Музыка, смех, чьи-то громкие голоса. А, это Никита Сергеевич рассказывал анекдоты. Господи, как хорошо опять все слышать и понимать, что происходит вокруг тебя! – А что Артем не пришел?

– Работа, – коротко ответила я. – Он просил передать тебе извинение, привет и самые искренние поздравления… Не сердись, ну правда, не получилось у него сегодня.

– Я сержусь? На Артемку-то? Даже и не думаю! – засмеялась Наталья. На ней, как всегда, был спортивный костюм, но на этот раз, что называется, парадный. Из бархата леопардовой расцветки, с меховым капюшоном, с переливающимися пайетками на груди. С первого взгляда этот костюм выглядел вещью сомнительной, так что сразу вспоминался рынок, расположившийся у пригородной платформы, но я-то знала, сколь недешевой и качественной была Наташина одежда и к каким известным маркам принадлежала. Так что наряды моей подруги, скорее, можно было отнести к миру шоу-бизнеса, где этот кричащий, спортивный шик смотрелся вполне органично.

Когда-то в детстве Наталья много занималась спортом – плаванием, готовилась к серьезным достижениям, но потом ушла из профессионального спорта, стала помогать родителям в бизнесе. Вот с тех самых пор у нее и сохранилась любовь к подобным костюмам. Коса также была неизменной прической моей подруги, потому как заниматься спортом можно было только с убранными назад волосами.

Мы прошли в большую комнату, служившую общей гостиной, или, как ее еще называли родители Натальи, залу.

– Лидочка пришла, девочка наша хорошая… Как ты, как твои ушки? – принялись обнимать меня родители Наты.

Мария Ивановна – полная, энергичная, моложавая, необыкновенно стремительная и упрямая женщина. Она напоминала воздушный шарик, наполненный летучим газом – того и гляди вырвется из рук и устремится в небо… Зато муж ее, Никита Сергеевич, сухой, кряжистый, цепкий, упертый, с квадратной стрижкой, чем-то напоминающий актера Дольфа Лундгрена, как раз именно тем и занимался, что старался контролировать и поддерживать во всех сложных ситуациях свою неукротимую супругу. Но на самом деле именно Никите Сергеевичу и принадлежала вся власть в доме; жена и дочь хоть и спорили часто с главой семейства, но все-таки подчинялись.

– Да все хорошо, ничего не болит, прекрасно слышу, спасибо!

– Ты уж береги себя…

– А жених-то, жених твой где?

– Работает. На свадьбу зарабатывает, – встряла Наталья.

– Господи, Лида, какой он у тебя чудесный! Не то что… – Мария Ивановна не договорила и, хихикнув, оглянулась назад – на небольшом подиуме возле барной стойки в гордом одиночестве сидел Леша с бокалом в руке.

– Мама! – возмущенно прошептала Наташа.

– Лидочке надо налить шампанского… – подхватил меня под локоть Никита Сергеевич.

– Нет, мне нельзя! – спохватилась я. – Я все еще пью антибиотики, они с алкоголем не сочетаются.

– А, пардон… – Натальиного отца уже увлек в сторону какой-то седой господин с темными и яркими, точно крупные маслины, глазами.

Вообще, в гостиной находилось довольно много людей: и родственники Исаевых, и, вероятно, деловые партнеры… Из подруг именинницы пришла только я, разновозрастные троюродные сестры и племянницы были не в счет.

– Я узнавала, на самом деле тебе можно употреблять алкоголь, – добродушно произнесла Наташа. – Действительно, часть антибиотиков категорически нельзя мешать с алкоголем, и, даже после того как человек пролечится, еще месяц лучше не пить, это для печени плохо, как я поняла… Но то лекарство, что прописали тебе, Лида, вполне позволяет немного выпить. Противопоказаний нет, я гуглила.

Я не гуглила, а вот она уже успела. В этом была вся Наташа! Подобно своей матери, она всегда бежала впереди паровоза. Стоило кому-то из ее близких озвучить любопытную информацию, как Наташа тут же выясняла все подробности из верных источников. Увидела у меня на столе коробку с лекарством – и уже в курсе всех его противопоказаний и побочных действий.

– Да, ты уверена? – с сомнением вздохнула я.

– На вот мой планшет, посмотри сама…

– Нет-нет, я верю тебе, просто настроения нет.

– Как скажешь, Лидочка, как скажешь.

– Ну только одну, за тебя.

Подошла одна из дальних сестер Натальи, улыбнулась мне, а ей что-то дружелюбно шепнула на ухо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.